

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.

«Люби Россию в непогоду» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ОСТАНОВИТЕ ПОРУЧИКОВ.

Помните старый анекдот? На параде в присутствии Его Императорского величества юный поручик от волнения шагнул не с той ноги, ну, а дисциплинированная рота, естественно, с той, с какой следовало шагнуть. Так и потопали до трибун высоких гостей, и здесь Военный министр вздохнул с виноватым огорчением: «Поручик шагает не в ногу». «Ошибаетесь, генерал, - сказал Государь. - Это рота шагает не в ногу».

Вот каким образом наши поручики получили Высочайшее право подгонять роты под свой собственный шаг. Говорят, именно с того парада и возникло твердое убеждение, что наши поручики всегда шагают только в ногу, хотя и, как впоследствии выяснилось, все больше не в ту. А вся рота упрямо и злонамеренно начинает движение по-своему, почему никогда и не попадает в ногу с отцом-командиром. Хотя пора было бы уже и привыкнуть, поскольку начали мы свой крестный путь ровнехонько восемьдесят два года тому назад, еще в феврале семнадцатого. И плетями нас ласкали за это, и сквозь строй прогоняли, и за колючку отправляли едва ли не целыми колоннами. Ан нет, не слушались. Знать, упрямый народ нашим командирам достался, прямо надо признать.

А ведь как хорошо было задумано: поход! Весь народ в движении, командиры - на лихих конях впереди, обоз замыкает марш. Цель - молочные реки с кисельными берегами, но - за линией горизонта. Вот уж пересячете ее, и будет каждому - по потребностям. А сейчас придется потерпеть, в походе, сами понимаете, не до каждого рта в отдельности. В походе все лопают с полевых кухонь, а они, как на грех, отстают. Следовательно, выдача - сухим пайком: полфунта хлеба, щепоть соли и фляга водки. Вперед, ребята! У нас - свой путь. Особый.

В конце восьмидесятых в доселе более или менее отрегулированном движении к линии горизонта начались сбои. Отдельные личности стали позволять себе сомнения вслух, и строй распался. Все затоптались на месте, начался крик и ор, отцы-командиры попытались было воспрепятствовать, организовав танковую колонну, но гусеница в городе едет, как правило, не в ту сторону, и отцы-командиры вместо всеобщего построения получили тюремные нары. Впрочем, ненадолго: народ отходчив. Ему бы поорать вдоволь, и весь гнев уйдет, так сказать, в гудок. Обождали, пока перегудят, выпустили из тюрьмы прежних командиров, избрали новых всеобщим альтернативным голосованием, однако прежнего марша организовать так и не уда-

лось, потому что неизвестно стало, а куда, собственно, будем маршировать? И опять все затолкались, заерзали и начали дерзко предлагать собственные цели. Кто - галопом вперед, чтобы догнать Америку, кто - рысцой, чтоб хотя бы не отстать от Европы, а кто и - назад. В прежний строй, к прежней цели, прелесть которой заключалась именно в том, что ее, с одной стороны, невозможно было достичь, зато, с другой стороны, путь к ней был особым. Своим, единственным в мире, что приятно воодушевляло измотанную маршами национальную гордость.

Вот тогда и вспомнили о бывших поручиках, оказавшихся не у дел. Честно говоря, далеко они от своих кресел так и не отлучались, а просто перетаскивали их из обкомов-райкомов в областные и районные администрации. Но вверху то ли не заметили этой рокировки, то ли посчитали, что с привычными командирами рядовым гражданам будет сподручнее общаться, а только востребовали их на всякий случай к себе. Востребованные поручики воспряли духом и с хода начали делать все, чтобы рота шагала если и не совсем уж в ногу, то, во всяком случае, по прежнему особому пути.

Обычно эта сусанинская почесуха дремлет в уютных креслах Государственной Думы, поскольку очень уж нежна пружинная подвеска для насквозь просиженных задов. Но сквозь сладкую дрему частенько прорываются навечно врезанные в извилины протестные бормотания. Мол, и режим преступен, и президент хвор, и вообще идем не той дорогой и, главное, не туда. Вот ужо нас бы во главу, а за нами чтоб роты, роты, роты... И все под нас подстраиваются. Под нашу ногу.

Не принимайте всерьез их полусонный лепет, не о том они думают, если еще не утратили этой способности вообще. Одна у них мечта, но зато, какая сладкая! На кой черт им наши с вами заботы, бюджеты, деньги, кавказские абреки, невыплаченные зарплаты и нищие дети на улицах?

Им бы креслица сохранить, денежное содержание за наш счет повысить, льготы, заграничные вояжи да бесплатные курорты для поправки подорванного многолетней дремотой организма и - аюшки. До перерыва просим не беспокоить. Сны у нас беспокойные накануне новых выборов: а вдруг не выберут?.. Что же тогда делать? Неужто работать придется?..

А через год другой страх ожидает. Тоже мучительный и сна лишаящий, но как бы с обратным знаком. Помните перепуганное лицо товарища Зюганова на последних президентских выборах? "А вдруг и впрямь в президенты выберут?.." - вот, что в нем читалось. «Кругом!..» бы им всем скомандовать..

А как с марша "Кругом!" скомандуешь? Нет такой команды в Строевом Уставе, потому что сначала надо остановить сложившееся Броуново движение. Сначала надо отдать команду: "Стой!..", а когда остановятся, тогда - "Кру-гом!.." и "Шагом марш!.." А остановятся разбушевавшиеся молекулы легче всего в том случае, когда им будет продемонстрирована полная бессмысленность их самостоятельных колебаний. Ну, скажем, провалить закон о купле-продаже земли с его возможностями многомиллиардных оборотов,

снизить НДС, чтобы окончательно сорвать бюджет, гордо отказаться от условий МВФ, устроить импичмент большому Президенту... Да мало ли тактических заготовок в арсенале вечно вчерашних поручиков?..

И тут - о, радость несказанная, о, манна небесная! - американцы пошли на открытую вооруженную агрессию против Югославии. О подобном подарке наши вечно вчерашние и мечтать не смели. Спасибочки вам, господин президент Клинтон, с такой вашей подмогой, мы и "Стой!.." скомандуем, и "Кругом!" и даже "Назад шагом марш!.."

Эти соображения пришли мне в голову, как только я увидел сияющий нескрываемой радостью лик вице-преьера Маслюкова, возмущавшегося решением НАТО. И окончательно в них утвердился после просмотра репортажей с орущего митинга перед посольством США.

Ах, какой был митинг в четверг! Какой весомый протест заключался в метании тухлых яиц членами ЛДПР, какая глубокая мысль содержалась в дружных действиях футбольных фанатов, сколько нового мы узнали из плакатов бабушек Ампилова! И, обратите внимание, какой крутобокий клин был вбит меж равноправными доселе членами НАТО: подле посольств Франции и Германии, Италии и Турции, Бельгии и Нидерландов, не говоря уже о Великобритании, не оказалось ни одного протестующего. Из этой протестной пустоты сторонние корреспонденты могли спокойно делать многозначительный вывод: вышеупомянутые страны на бомбардировку Югославии имеют полное право, поскольку прописаны в Европе, но вам, янки, тут делать нечего. "Гоу хоум", как скандировал наш просвещенный народ, "янки, гоу хоум!".

И все почему-то не столько негодовали, сколько радовались. Сначала я подумал было, что радость их объясняется всеобщей гарантированной безопасностью, но потом разобрался. А, разобравшись, огорчился куда больше, чем от идиотского американского решения подвергнуть бомбардировке суверенное европейское государство. Не собственный Мемфис, не Чечню даже, с протестом против ковровых бомбежек и карательных зачисток которой не выступил ни один жириновец, ни один футбольный фанат и ни одна ампиловская бабуля, а вполне законного члена ООН. Так чему они, собственно, радовались? Почему политический протест по вполне конкретному и заслуживающему этого поводу превратился в конечном итоге в истерический бесовский карнавал?

Радовались наши протестанты возвращению врага после десятилетнего отсутствия. Не было его, исчез он, не оставив заместителя, почему известный героическим штурмом Останкинской башни генерал и принялся за евреев. Не отмени власть ненависти в адрес империалистов-американцев, никто бы о своих евреях и не вспомнил. Их бы, этих самых янки, и поносили бы с разных страниц и разных трибун, обвиняя во всех смертных и бессмертных грехах, дело привычное, а так, без врага за плетнем мы не можем. Люди мы совестьливые, почему и остро нуждаемся в личном оправдании. Ведь наша на-

циональная проблема заключается не в том, "Быть или не быть?", как у них, за бугром, а в вековечном вопросе "Кто виноват?", ответ на который всегда наготове у каждого: "Только не я!", суммарно перерастающий в "Только не мы!" Не мы выпиваем миллиарды бутылок водки в год, не мы скулежно просим подачек вместо того, чтобы искать хоть какой-то заработок, не мы превратили Чечню в руины, не мы врем, с обывательской всеядностью заглатывая любые сплетни, не мы воруем у самих себя и не мы поносим больного человека с официальных трибун, повинного лишь в том, что он отважился взвалить на свои плечи насквозь прогнивший обломок Советской империи, чтобы с нашей помощью попытаться спасти его от полного краха.

Помогли мы ему? Какое там! Мы с садистским наслаждением втапываем подскользнувшегося в грязь, убеждая, что упал он не от невероятной перегрузки, а исключительно от лишней рюмки водки. На словах мы все - великие трезвенники и святоши, почему и не привлекаем к ответственности загулявшего Генерального прокурора, но возбуждаем дело против тех, кто посмел вымести сор из избы. С точки зрения крестьянской морали так и следует поступать: неча соседям знать, что старшего нашего с гулящими девками застукали. Но за спиной у нас не крестьянский двор, а держава, когда-то по праву считавшаяся великой отнюдь не по количеству атомных боеголов, а по великой культуре, во многом определившей развитие культуры Европы, и по великой нравственности, равной которой в мире просто не существовало.

Вот о нравственности - забытое ныне понятие, духовностью замененное, хотя между духовностью и нравственностью столько же общего, сколько меж семейным киотом и Эрмитажем - и поразмышляем.

Бездельная молодежь и таинственные казаки, сплошь самоувешенные неизвестными медалями за неизвестную отвагу, ринулись записываться добровольцами в Сербию. "У нас с сербами - один Бог", как объяснил причину своего желания стать добровольцем некий немолодой энтузиаст. А что, господин волонтер, у американцев, французов, немцев, англичан, испанцев и прочих представителей стран НАТО Бог - иной? Ведь варварскими бомбардировками занимаются (за исключением Турции) те же христиане, верующие в того же Бога. Ваш посыл не просто с головой выдает уровень ваших познаний: он попросту греховен с точки зрения основ Христианского учения. Русские добровольцы сто двадцать пять лет назад шли в Сербию не Бога защищать, а - свободу, хотя воевали при этом с мусульманской Турцией. По семейным рассказам в детстве я знаю, что дядя моей мамы - мой, стало быть, двоюродный дед - поручик Русской армии Гавриил Алексеев (в романе "Были и небыли" он назван Олексиным) сражался за свержение Османского ига, был ранен, награжден Таковским крестом за отвагу. А второй двоюродный дед капитан Георгий Алексеев отправился добровольцем аж в Южную Африку воевать против англичан в Англо-Бурской войне, где и пал смертью храбрых в Редденбургском сражении. Знаю об этом из открытки, на которой была изображена его могила в центре Претории. А на обороте рукою послед-

него Президента Бурской республики господина Крюгера была изложена история его гибели и благодарность от имени бурского народа. Открытка была написана по-французски, но бабушка перевела мне ее слово в слово. И подобных молодых офицеров - и не одних офицеров! - было много не только в Сербии, но и во всех тех государствах, в которых сильный противник посягал на свободу, честь и достоинство народов этих стран. Волонтеры России рисковали своими жизнями не во имя "одного Бога" и уж тем паче не из политических соображений, а исходя из своего понимания долга русского человека. Но понимание своего неоплатного долга перед людьми и есть основа нравственности, тогда как духовность есть всего-навсего понимание своего долга перед Богом, в которого веруешь.

Именно по этой причине Россия избегала употреблять слово "патриот", "патриотизм" и тому подобные словосочетания. Из воспитанной с детства высокой нравственности исходило понятие долга перед Государем, народом и Государством. Исполнение этого долга никогда не именовалось "патриотическим", поскольку это деяние всегда было само собой разумеющимся, а потому и не требовавшим саморекламы. Не мог нравственный русский человек не исполнить своего долга в бою или на мирном поприще, совесть ему не позволяла. Совесть была внутренним контролером поведения русского человека во всех случаях жизни.

В конце прошлого века в обывательской среде, не обремененной ни образованием, ни семейными нравственными традициями, поскольку в подавляющем большинстве обыватели в городах были людьми пришлыми, оборвавшими деревенские корни, но не воспринявшими и городской культуры, возникло упрощенное понятие славянофильства. Из общественного движения, направленного на консолидацию исторических традиций, оно выродилось в русский пещерный национализм, заменив понятие долга лозунгом ура-патриотизма. Это упрощенчество не требовало ни традиционного семейного воспитания, ни знаний, ни понимания личной ответственности: в патриоты можно было просто записаться, тогда как в когорту людей нравственных записаться было никак невозможно. Так появились записные патриоты, образцом которых вскоре стали мясники из Охотного ряда, за что и получили прозвище "охотнорядцев".

Как раз в то время в русской культуре окончательно оформились две родственные ее ипостаси: культура деревенско-христианская и культура дворянско-городская. Эта последняя культура и служила визитной карточкой нашим предкам в Европе: им не нужен был переводчик, не нужно было приспособляться к иному образу жизни, почему они никогда и не ощущали себя иностранцами. Они посещали Европу не только ради Парижа и модных курортов, но и для того, чтобы попросту спокойно поработать. К примеру, Гоголь творил в Риме, Тургенев - в Париже, Достоевский - в Баден-Бадене, и никто не вопил об утечке мозгов за границу, поскольку в сознании русских дворян Европа таковой не считалась, как не считался зарубежьем Крым или Прибалтика у людей советских.

Иное дело - крестьянство. В общей массе эта культура иностранных языков не знала, интернационализму не доверяла, немецкого ордунга, по которому живет вся Европа, не воспринимала изначально, да и вообще чуралась чужаков, каковыми для ее сознания являлись не только все нерусские, но и все не-русское, как таковое.

Сталинский террор обрушился на обе культуры России последовательно и беспощадно. Из христианско-деревенской культуры вырвали саму ее нравственную основу - Христианство, взорвав Храмы и превратив монастыри в застенки. Всеобщий и чрезвычайно жестокий насильственный захват крестьянских земель и организация трудовых поселений для лишенных гражданских прав вчерашних свободных собственников под названием колхозов вынудили крестьян бежать в города, массами уезжать на строительство новых индустриальных центров, исчезать в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере.

А тем временем в городах расправлялись с дворянством, купечеством и интеллигенцией с такой же жестокостью и последовательностью. Из дворянско-городской культуры столь же насильственно убрали ее основной, нравственнообразующий слой - само дворянство. Вместо двух культур Россия в результате получила... тоже две, но лишенных нравственных фундаментов: церкви - на селе, и дворянства - в городе. В результате в городе восторжествовал обыватель, лишенный нравственного примера для подражания и образца, а в деревне - люмпен-колхозник, лишенный не только духовной опоры в лице Церкви, но и собственности, как таковой. И бежавшим в города сельским жителям не пришлось затрачивать усилий на приобретение хотя бы внешних признаков дворянской культуры: обывательская среда была куда проще и доступнее, поскольку хранила в себе зачатки тех же деревенских корней. Наше воспевание уголовщины, от которого мы млели в семидесятых, оказалось реквиемом русской дворянской культуре. Через десять-пятнадцать лет уголовная субкультура победоносно ворвалась в нашу жизнь как матерщиной и формой общения, так и идеализацией безделья, воровства и "сладкой жизни" в ее похотливо-брюшном понимании. Даже высшие чиновники ведут себя сегодня так, как и в мыслях не мог себе позволить небезизвестный телеграфист Ять. Крестьянская приветливость и дворянская подчеркнутая вежливость моего детства оказались практически сметенными перегарным ураганом люмпен-уголовной культуры. Это ведь она предлагает восстановить памятник палачу народов России Дзержинскому, уповая на его "холодные руки" (весьма многозначительная оговорка!). Это она едва ли не ежедневно хамит в адрес опасно больного старого человека. Это она спрашивает не у судебных, а у силовых структур, когда эти структуры "защелкнут наручники на руках чубайсов, гайдаров, березовских": ее представителю даже невдомек, что в стране наконец-таки провозглашена презумпция невиновности. И это она пришла в опасную истерию у стен Американского посольства. И это она горласто рвется сегодня защищать несчастную Сербию, считая это высшим проявлением патриотизма.

Не знаю, какими патриотами мы окажемся, когда, не дай Бог, это придется доказывать каждому в одиночку на полях сражений. Но то, что мы - плохие граждане, это уже ясно. У нас нет единого гражданского общества совсем не потому, что нет общенациональной идеи, а потому, что гражданская война, спровоцированная большевиками разгоном Учредительного Собрания, продолжается до сей поры меж двумя культурами России на всей ее территории. При оглушительных воплях о патриотизме все решения правительства, направленные на дальнейшее развитие реформ, все Указы Президента, расчищающие путь этим реформам, со злорадным единодушием проваливаются чрезвычайно агрессивным большинством Думы. Их представители уже в составе правительства, обжигаящая возможность перехватить власть, повернуть Россию на тот самый путь, с которого она слетела под откос, туманит головы, поверхностное, по сути, невежественное представление о прежней, дореволюционной России переполняет их речи, статьи и лозунги извращенной до абсурда демагогией. А откровенная, брызжущая слюной ненависть к лучшим, наиболее образованным представителям нашей интеллигенции грозит завтрашним откатом всего нашего общества во времена смрадного изоляционистского средневековья. В России идет яростная и беспощадная война за вчерашний день.

Примером тому настойчивые призывы снять эмбарго на поставки вооружения в Сербию, а заодно и в Ирак. Эти требования грозят не только новым Железным занавесом, но и окончательным крахом еле-еле начавшей дышать нашей экономике. Поставки вооружения реанимируют ту самую разрушительную внутреннюю силу, которая десять лет назад привела к окончательному развалу Советскую державу, все величие которой держалось только на военном потенциале.

Да, жестокая и бессмысленная агрессия НАТО против Югославии сплотила нас в единодушном осуждении ее, но это - временное одиночество, а никак не единомыслие. Нечто подобное случилось с нами при нашествии фашистской Германии, но все попытки Коммунистической партии сплотить народ на основе всеобщей ненависти не дали практически никаких результатов. На базе ненависти не происходит консолидации общества - эта консолидация возможна только на базе любви к родине. Тогда большевики вовремя поняли свой просчет и тут же вспомнили и о наших великих предках, и о забытых традициях, и даже о погонах. И на этой всеобщей любви мы ощутили плечи друг друга. Исчез фанатический героизм единиц и родился героизм нравственный, а, значит, и всеобщий. Вот этот всенародный нравственный героизм и привел в конечном итоге нас к победе.

В миниатюре все как бы повторяется, только очень опасно полагать, будто подобное отрицание способно послужить фундаментом всеобщего согласия. Отрицание бесперспективно, перспективно только утверждение. А его способна привнести в массы только интеллигенция. Церковь не может служить центром кристаллизации общества хотя бы потому, что Россия - страна многоконфессиональная. И наоборот, гуманитарии, творческая, научная

и техническая интеллигенция, независимая от узкопартийного взгляда на завтрашний мир, не только может, но и обязана осознать свой долг перед народом. Может быть, не сегодняшняя, всегда не вовремя получающая зарплату, не замечаемая, а то и презируемая чиновниками, но - завтрашняя. Избежавшая идеологической советской прокатки, свободная от большевистских традиций безусловного внутреннего послушания, уверовавшая в собственные силы.

Что же позволяет мне делать подобные предположения?

Психологический надлом народа произошел после Великой Отечественной войны. И совсем не потому, что огромные жертвы, безмерная моральная и физическая усталость привели нас к этому. Такой психологический надлом был бы преодолен, если бы мы окончательно не утратили нравственной составляющей нашего национального характера: аналогичный надлом переживали тогда народы Германии, Японии, Италии, однако они нашли в себе силы осудить и отринуть фашизм и милитаризм. Мы с этим тогда справиться не могли, как не смогли окончательно и бесповоротно отбросить его в начале девяностых годов. И дело здесь не только в том, что нам внушили, будто мы победили фашизм потому лишь, что нравственно опирались на идеи коммунизма. Мы победили вопреки этой идее, нашей опорой была русская нравственная сила, но коммунисты присвоили победу только и исключительно своим стараниям и своей идеологии.

Но давайте вспомним, что привезли наши прадеды из Европы после разгрома Наполеона в 1812 году. Они привезли лозунги Великой Французской революции: свобода, равенство, братство. Именно этот багаж и привел на Сенатскую площадь передовых людей того времени. И именно с этого расстрела и началась эра русской интеллигенции.

А что мы привезли из Германии в 1945-м? Эшелоны награбленного барахла и злую зависть: "Живут же, гады..." Этой зависти необходимо было что-то противопоставить, и противопоставили - национализм. То есть, полную противоположность идеям равенства и братства, привезенных нашими предками из Парижа в 1814 году. И бороться с этим было некому: последняя русская интеллигенция догнивала в ГУЛАГе. В стране не оказалось нравственных сил, способных дать отпор черной обывательской зависти, и сразу же стали искать, кто виноват. На базе этих поисков и появились космополиты, гиперболизированное представление о главенствующей духовной роли России (в самом примитивном понимании этого посыла), и - как результат - "убийцы в белых халатах" и смертоносная волна государственного антисемитизма. К великому нашему счастью умер Сталин, и уже готовые к депортации евреев и инакомыслящих эшелоны так и остались ржаветь на запасных путях.

Именно об этом черном периоде нашей недавней истории с глубочайшей печалью поведал Зюганов в одном из своих выступлений: "Если бы

Сталин прожил еще лет пять-шесть, вопрос о будущем был бы решен навсегда..."

То есть, восторжествовал бы государственный национализм, именуемый всем миром фашизмом. Вот она, обжигающая мечта наших современных коммунистов.

Только коммунистов ли? Нет. Коммунизм опирался на рабочий класс, но партия коммунистов-большевиков давным-давно стала... крестьянской.

Небольшое отступление.

К концу 1916 года мобилизация рабочего класса в действующую армию достигла предела (до сорока процентов), за которым стояла угроза остановки заводов, шахт, домен, рудников и т.п., поскольку людские резервы деревни были практически исчерпаны. Даже на оборонных предприятиях остались лишь те, без кого невозможно было обойтись: основную массу рабочих заменили беженцы, женщины и дети. Революции, перевороты, остановка большинства фабричных производств, возросшая преступность и голод привели к повальному бегству в деревню, к земле. Города обезлюдели, а при советской власти мобилизация продолжалась: в продовольственные, заградительные, карательные, заготовительные и прочие отряды.

В гигантском миксере гражданской войны, каковым стала вся Россия, бурно перемешивались все слои населения, поднимая со дна муть и осадок, а число членов правящей партии большевиков неуклонно росло.

Округленно:

1917 год - 40 тысяч.

1920 - 612 тысяч.

1921 - 730 тысяч.

1927 - миллион двести тысяч.

Парадокс: рабочий класс исчезал на глазах, а его партия за десять лет выросла в ТРИДЦАТЬ раз. За счет кого?

За счет беднейшего крестьянства, отвечали нам в "Кратком курсе". Допустим. Но как раз в русской деревне, существовавшей пока еще на базе рыночной экономики, люмпены и составляли подавляющее большинство бедняков. И как тут не считать, как ни прикидывай, ясно, что как раз маргиналы города и люмпены деревни и пополнили собой ряды большевистской партии в это время. Именно они оказались наиболее удобными проводниками руководящих идей, наиболее послушной опорой "демократического централизма", наиболее гибкими инструментами сталинской борьбы за власть в самой партии и наиболее активными исполнителями самых чудовищных преступлений. Эта масса, по-прежнему располагаясь вне контекста народной нравственности и гражданского долга, не была обременена ни традициями,

ни знаниями, ни нравственностью, ни гражданским чувством ответственности за прошлое и будущее России. Они жили только настоящим, только сегодняшним днем, что, собственно, и определяет их как люмпенов и маргиналов. И именно их ретивая поддержка власти и еще более ретивое исполнение ее приказов и внесли свои коррективы в русский национальный характер.

Признаем же, что в России победила советская синтетическая культура, представляющая собой вненациональную (отсюда и исходят все истошные крики о патриотизме) мешанину городской полууголовщины с люмпенами деревни, порвавшими корни свои, со всеми признаками ее обывательского восприятия окружающей действительности. С поиском врагов, с комплексом неполноценности, восполняемым безудержной русофилией, с недоверием ко всему новому, с ненавистью к Европе, либерализму и демократии, со средневековым антисемитизмом, с культом силы и жестокости, с психологическим неприятием презумпции невинности, адвокатуры и состязательности судебных процессов, с узколобым национализмом, ксенофобией и неосознанным культом землячества. С темной, зловещей завистью, наконец.

Вот почему столь неистово разыграли наши люмпен-патриоты в ответ на реальное преступление НАТО. Только почему европейские союзники Америки рискнули на столь антигуманный шаг?

Может быть, следует подумать, что Милошевич совсем не сахар? Что его система этнических чисток началась не вчера, что она куда страшнее наших деяний в Чечне? Наконец, он - коммунист, и этим все сказано: точно так же будет поступать и Зюганов, дорвавшись до Президентского кресла. Такова сущность коммунизма по-сталински, а подобная система власти нам хорошо знакома по собственному трагическому опыту ее более чем семидесятилетнего правления. Это их вожди и вдохновители занимались депортацией целых народов, уничтожали интеллигенцию, священнослужителей и лучших представителей крестьянства и рабочего класса.

Это они всадили истекающей кровью России нож в спину во время Первой Мировой войны, о чем их сегодняшние политические потомки предпочитают никогда не вспоминать, хотя без упоминания о "патриотизме" практически не обходится ни одно их выступление.

Давайте вспомним, что европейские государства - совсем не так послушны, как нам усиленно вдалбливают: НАТО - не Союз нерушимый республик свободных. Во время "Бури в пустыне" далеко не все члены НАТО оказывали американцам военную поддержку, а в последнем конфликте вообще практически не участвовали в бомбардировках Ирака, за исключением Великобритании. А вот против Югославии выступают единым фронтом: почему? Почему наши генералы - и не только генералы - утверждают, что трагическое бегство албанцев из Косово произошло из-за натовских бомбежек? Ведь от бомбежек не бегут из собственной страны, а прячутся в щелях и бомбоубежищах. Массовое бегство народа из собственной страны происходит то-

гда, когда идет их планомерное истребление на их же территории, что нашим генералам отлично известно. Косоваров физически уничтожает югославская армия и полиция: именно их боевые части и бомбит натовская авиация в Косово. Тогда почему же нас вводят в заблуждение, рисуя картину наоборот?

Эта абстрактная живопись очень опасна: в дымовой завесе всеобщей "патриотической" истерии нас изо всех сил стремятся поссорить с Западом, а заодно и помочь Хуссейну, Каддафи... кто там еще в их списке "верных друзей социализма по-нашенски"? Вся эта игра ва-банк смертельно опасна прежде всего для самой России, семь лет пытающейся встать на ноги. Уж не говорю о том, что такой путь может привести нас к войне практически со всем миром: можете не сомневаться, что мудрый Китай останется в стороне, ожидая ослабленного победителя. Но даже если этой катастрофы и удастся избежать, нам не избежать крушения всех демократических институтов. Мы лишимся альтернативных выборов, многопартийности, гласности, рыночной экономики, свободы демонстраций, митингов и всех прав на личное мнение. Мы вернемся в военно-полицейское государство под неусыпным контролем все той же Коммунистической партии.

С кровавой авантюрой, развязанной НАТО, необходимо кончать, как можно скорее, потому что гибнут ни в чем неповинные люди. Дети, женщины, старики. Сербь, албанцы, черногорцы - смерть не имеет национальности. Но кончать языком терпеливых, долгих и упорных переговоров, а не языком угроз, демонстраций силы и бряцанием оружия. Только так, иного пути не существует.

А поручики наши упрямо шагают в ногу. В ту самую, с которой начали шагать еще в семнадцатом году.

"ЛЮДИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!"